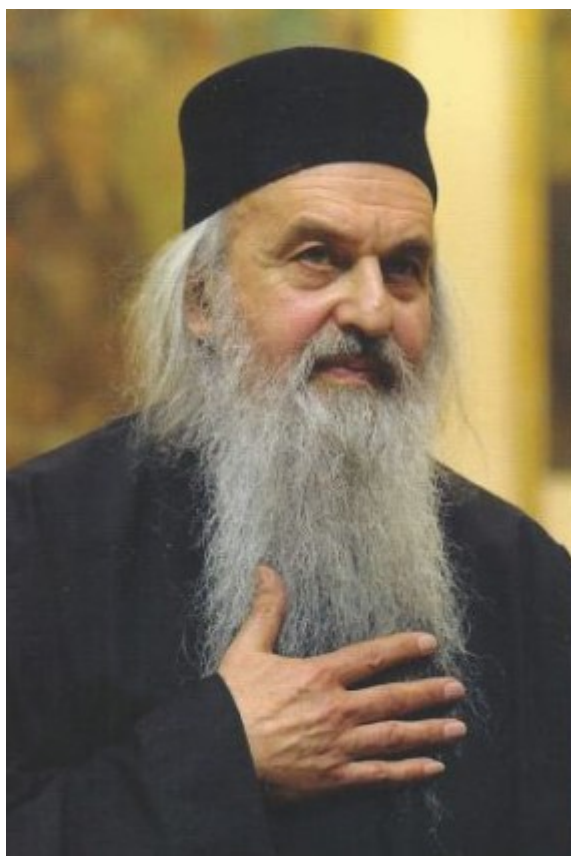

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<http://imonspb.ru>)

Об избрании монашеского образа жизни. Иеромонах Рафаил (Нойка)

Иеромонах Рафаил (Нойка) — румынский подвижник, богослов, ученик старца Софрония (Сахарова). Долгое время жил в Англии, где обрел веру и православие благодаря своему духовному наставнику архимандриту Софронию (Сахарову), который в свою очередь был учеником святого Силуана Афонского.

Предлагаем читателям отрывок из книги «Живи мя по словеси Твоему», в которую вошли беседы отца Рафаила с братией и паломниками монастыря Святого Иоанна Претдтечи в Англии, основанном старцем Софронием (Сахаровым).

Вопрос. Отче, идти ли мне в монахи?

Ответ. От отца Софрония я воспринял понимание монашества как глубоко личного сокровенного диалога с Богом в отличие от церковного служения в сане диакона, священника или епископа. И потому даже духовный отец не смеет вмешиваться и принимать за тебя решение. Принимать монашество или нет, ты должен решить сам, и уже после избрания этого пути ты будешь послушен духовному отцу, но выбор пути всецело за тобой.

Скажу вам с глубокой болью от лица тех, кого мне довелось встретить в жизни, — и это чрезвычайно важно — великая опасность говорить кому бы то ни было: «Иди в монахи» или: «Женись». И особенно опасно говорить: «Иди в монахи», и вот почему.

Дело в том, что в жизни мы проходим чрез различные кризисы. Кризис — это суд Божий, во время которого мы призываемся дать оценку своей жизни, своим поступкам, самим себе. И во время такого кризиса монах в отличие от семейного человека не имеет ничего, что мог бы сказать в свою защиту или утешение. Его могут преследовать мысли: «У меня нет ничего, я ничего не достиг в этой жизни, я никто. Как монах я не состоялся... Нет у меня ни семьи, ни детей, ни денег... Нищим помочь не могу, сделать что-то доброе для других тоже не могу...» И так далее. Причем это лишь внешняя сторона испытания, которое внутренне может переживаться весьма болезненно. Но сказать я хочу то, что, монах, рассуждая по-человечески, ничего не может найти, чтобы хоть как-то помогло бы ему найти опору и защиту от подобных мыслей во время искушения. И если у человека нет призвания к монашеской жизни, ему не устоять.

Переживание подобного кризиса мы видим и у отца Софрония (1), когда, дойдя до предела испытания, он говорит, что будет неудивительно, если окажется, что он ошибочно избрал для себя монашеский путь, нисколько не преуспев на нем. В такие трудные минуты в душе слышатся слова праведного Иова, который с горечью проклял день своего рождения (2). Но, с другой стороны, говорит отец Софроний, ни на каком другом пути он не нашел бы себя, он просто не мог избрать для себя никакого иного пути, потому что идти сим путем его «понудил» Бог, как написано у пророка Иеремии: «Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог» (3). Несмотря на подавленность и сознание своего ничтожества, своей неудачи и провала, ничего другого человек не хочет, зная, что ни в чем другом он не найдет себе покоя. Только в таком случае можно выдержать кризис.

Бог может понудить человека идти сим, монашеским (4), путем, но мы, люди, не смеем этого делать. Потому что, когда Бог влечет кого-то на этот путь, Он и совершит то, к чему призывает человека. Мы же ничем не сможем помочь такому человеку, и даже не знаем, как ему помочь...

У каждого из нас своя мера испытаний, и в трудную минуту так важно, чтобы человек прежде сам, свободно избрал свой путь. Мне хочется особо обратить ваше внимание на это. Не раз приходилось встречать посприятие свободы выбора, что печально и больно. Ведь в монашеском постриге момент свободного выбора подчеркивается особым образом. «Вольным ли своим разумом и вольною ли своею волею приступаеши ко Господу?» — спрашивает игумен, и желающий монашества отвечает: «Ей, Богу содействующу, честный отче». И это не какая-то церемония. Взяв ножницы, лежавшие на Евангелии, ты взял их из рук Христа, таинственно сокровенного во святом Евангелии, и ты дал их игумену, чтобы он совершил твой постриг. Т.е. ты сам просишь и понуждаешь игумена постричь тебя в монахи, и он творит послушание тебе. Далее он молится о тебе и благословляет тебя, избравшего добрый и истинный путь, и возвещает, что многие испытания мы встретим на этом блаженном пути. И чтобы преодолеть их, необходимо, во-первых, быть призванным Самим Богом и, во-вторых, откликнуться на Его призвание добровольно.

Вопрос. Разрешается ли вам, монахам, жениться?

Ответ. Когда мне задают этот вопрос, то я отвечаю: «А кто может меня остановить? Ведь никто не может лишить меня свободы». Но все-таки, чтобы пояснить мое отношение, приведу в пример такое сравнение «Знаете, — говорю, — я иногда чувствовал себя заключенным в тюрьму, и тогда мне хотелось перелезть ночью, когда тебя никто не видит, через ворота

монастыря и бежать куда глаза глядят. Но представляете, как поступают со мной в монастыре? Я не могу перелезть через ворота, потому что их оставляют открытыми... и потому даже если и выйду, знаю, что снова сам вернусь назад». Так порой шуткой лучше всего показать, в чем суть вопроса. Я всегда свободен, выбор остается за мной.

Вопрос. Отче, а я гожусь для монашества?

Ответ. Простите меня, я не знаю ответа на ваш вопрос. Оставляю вас решить его самому своей глубокой молитвой и водительством Божиим. Однако важно понимать, что не каждый, кто ищет молитву, непременно найдет себя в монашеской жизни. Если я хочу жить молитвенной жизнью, то это еще не значит, что я годен к монашеству. Молиться — естественно человеку всякому человеку, не только монахам.

Я уже долго пытаюсь уяснить для себя, что же такое монашество. Иногда мне кажется, что Бог сотворил меня исключительно для того, чтобы быть монахом, хоть я и совершенный неудачник. Но ведь и преподобный Антоний Великий говорил о себе, что он самый великий грешник ⁽⁵⁾, т. е. даже он, так сказать, неудачник.

Каждый человек сотворен, чтобы наследовать спасение. Сейчас мы находимся в процессе своего спасения, вечные блага мы унаследуем позже. Но спасение совершается уже сейчас, это не только награда, которую, как мы верим, Бог даст нам после смерти. Спасение — это не какой-то обещанный сладкий пирог на небе, который, как иронично говорится в английской поговорке ⁽⁶⁾, ты даже не можешь попробовать и никогда не увидишь, разве лишь когда умрешь, т. е. когда тебе он будет уже и неинтересен. Нет, наше спасение совершается сейчас, в каждом из нас, в каждом человеке, сознает он это или нет.

В основании монашеского миропонимания лежит осознание того, что жизнь прекрасна, что мир действительно прекрасен, но временен. А раз он заканчивается, раз не здесь наше подлинное отечество, значит, никто из нас не может обрести здесь то, к чему стремится. Если человек начинает так мыслить, то он не далек от того, чтобы отречься от мира, как это делают монахи. Однако неизвестно, способен ли на это современный человек, живущий в постмодернистское время, воспитанный в мире, где ни для Бога, ни для молитвы нет места, питающийся продуктами, «идентичными натуральным», окруженный всякими пластмассами и излучениями. Все это, конечно, отрицательно сказывается на нас. И чем дальше, тем хуже всеобщая атмосфера. Многие ищут Бога, но не знают, куда и к кому обратиться. У нас даже тела стали другими. Я, например, в сравнении с девятистолетним отцом Софронием был очень слабым. А те, кто на двадцать лет младше меня, не могут сравниться со мной. Я для них словно Тарзан, слабый, но Тарзан. Так, например, я за всю свою жизнь не знал, что такое головная боль, а теперь я редко встречаю молодых людей, которые не имели бы ее.

Но, слава Богу, мы все еще ищем неземное счастье, ищем ответы на свои вопросы, нас еще что-то волнует, и мы боремся. Пусть мы и не такие, какими были наши святые отцы, но в глубине души и мы храним стремление отложить все земные попечения, чтобы быть с единым Господом. Бог призывает нас ко спасению некой особой сладостью, стараясь обратить человеческое сердце к Себе. И призывание к монашеству есть словно пробуждение понимания того, что все земное хорошо и прекрасно, но однажды закончится. А раз закончится, что в нем хорошего? «Вся суэта человеческая, — поем мы при погребении, — елика не пребывают по смерти».⁽⁷⁾

Все, что не пребудет с нами после смерти, — бесполезно и бессмысленно. Мы же ищем того, что пребудет и после смерти, и нельзя заглушать этот внутренний зов.

Каждый человек призван к спасению. И монахам, и мирянам, и святым, и грешным даны одни и те же заповеди, то же самое Евангелие как благая весть о том, что будет воскресение из мертвых. Каким путем я достигну этого, тот и лучший для меня. Если мое призвание быть мирянином — женатым ли, одиноким ли, или, кто знает, какой еще есть путь, — если это воистину есть мое подлинное призвание и Бог ведет меня этим путем, то этот образ жизни и есть самый высокий и лучший для меня, не надо искать чего-то равноангельного. Если же я призван к ангельской монашеской жизни, то для меня этот путь есть самый лучший и высший.

⁽¹⁾ «Вы не представляете себе, быть может, как мне дороги Ваши призывы терпеть и мужаться. Я действительно изнемог. Я, несмотря на то что не имел „иллюзий о легкости духовных достижений“, все же встретил трудности, превосходящие все мои предположения, и убедился в своем ничтожестве, размеры которого от меня раньше были сокрыты. Я сознаю величие монашеского пути, а осознание своей ничтожности, обнаружившейся довольно скоро на этом пути, породило во мне сомнение в правильности избрания мною его. Могу сказать, что я своего призвания не нашел, не понял, не услышал. Однако я сознаю совершенную невозможность для меня идти иным путем, найти иную форму служения Богу и ближнему» (Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богопознания. М., 2003. С. 249).

⁽²⁾ См.: Иов. 3,1-7.

⁽³⁾ Иер.20,7.

⁽⁴⁾ «Я не хотел, потому что сознавал трудность, и вместе увлекался. Я упорно противился Богу, но Он нашел способ принудить меня. И теперь мне непосильно тяжело; я положительно раздавлен. Причина болезни внутри, поэтому невозможно облегчить мое состояние изменением моего внешнего положения и условий» (Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богопознания. М., 2003. С. 249).

⁽⁵⁾ Преподобный Антоний Великий, наученный александрийским сапожником, почитал себя хуже всех, постоянно нося в себе помысл: «Все спасутся, один я погибну». — См.: Софроний (Сахаров), архим. Преподобный Силуан Афонский. СТСЛ, 2010. С. 50.

⁽⁶⁾ Pie in the sky when you die. — Букв.: Пирог на том свете, когда ты умрешь.

⁽⁷⁾ См. стихиры чинопоследования погребения.

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга <http://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27